

І СЪЕЗД СОВЕТСКОЙ СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ АССОЦИАЦИИ: КОНСТРУКТИВНАЯ ПОЗИЦИЯ И КОНСТРУКТИВНАЯ СОЦИОЛОГИЯ

(интервью с А.Г. Здравомысловым)

Редакция продолжает освещать работу состоявшегося 15—19 января 1991 г. І съезда Советской социологической ассоциации, на котором избраны президентами Ж. Т. Тощенко, А.Г. Здравомыслов, В.А. Ядов. Ранее было опубликовано интервью с Ж.Т. Тощенко («Социологические исследования», 1991. № 5). Теперь редакция журнала обратилась с рядом вопросов к А.Г. Здравомыслову. Беседу ведет редактор отдела журнала "Социологические исследования" В. И. Шамшурин.

В.И. Шамшурин: Уважаемый Андрей Григорьевич, давайте начнем разговор с истории проблемы. В чем, по Вашему мнению, особенность І съезда Советской социологической ассоциации во сравнении с подобными событиями а прошлом? Каковы сходства и различия?

А.Г. Здравомыслов: Мысль об организации съезда социологов высказывалась давно. Но раньше, если хотите, предпосылки еще не созрели.

В конце 70-х годов положение социологии оставалось неопределенным. Она рассматривалась не в качестве самостоятельной науки, а как приложение к официально более значимым и весомым областям общественности. Она не могла, например, претендовать на свое видение общества в целом, т.к. рамки этого видения определялись внесоциологическим путем. Социология в лучшем случае была допущена в качестве прикладной дисциплины.

В годы перестройки произошли существенные изменения в статусе социологии. Теперь есть возможность защищать ученые степени по социологии в целом и по ряду ее отраслей. Кроме того, социология и политология вполне мирно вытеснили теорию научного коммунизма из сферы преподавания в вузах. Сформировались и продолжают формироваться новые направления социологической науки. На последнем Всемирном социологическом конгрессе был подтвержден высокий международный статус социологии в нашей стране. В этом суть предпосылок, позволивших провести именно съезд, принять новый Устав ССА, избрать новые органы правления, начать работу, направленную на формирование новых отношений между ССА и республиканскими социологическими организациями, которые окрепли и в какой-то мере преобразовали свою деятельность.

В содержательном плане главная задача съезда состояла в том, чтобы подвергнуть критическому анализу само состояние социологии как области знания и способа жизнедеятельности. В этом смысле девиз съезда был выбран очень удачно — «Обновляющаяся социология в обновляющемся обществе».

Помимо пленарного заседания, на котором выступили Т.И. Заславская, В.А. Ядов, Г.В. Осипов, было организовано пять симпозиумов и семь «круглых столов» по наиболее актуальным вопросам. А кроме того, каждый исследовательский комитет или секция имели возможность организовать свои заседания, чем многие и воспользовались. Надо сказать, что работа съезда проходила в весьма хороших условиях, созданных АОН при ЦК КПСС. Всю организационную работу по подготовке к съезду возглавили Ж.Т. Тощенко и З.Т. Голенкова.

В.Ш.: Нельзя ли более подробно остановиться на работе симпозиумов и «круглых столов»?

А.З.: Чтобы не быть голословным, надо перечислить тематику эти* дискуссий. Симпозиумы:

1. Социальные изменения и радикальные преобразования в общественных системах (планировалось, что этот симпозиум будет готовить Ю.А. Левада, но в связи с его длительной командировкой в США, пришедшейся как раз на это время, Президиум ССА обратился к Вашему покорному слуге).

Социальные проблемы вхождения в рыночную экономику — сопредседателя Б. В. Ракитский и Н.М. Римашевская.

Социокультурные процессы в кризисных ситуациях. Соруководители С.М. Плотников и А.Л. Маршак.

Новые социальные общности и социальная идентификация. Соруководители В. А. Ядов, О.И. Шкаратан, Э.Н. Клопов, В. Костюшев.

5. Социальные конфликты и гражданское согласие. Л.А. Гордон и Ж.Т. Тощенко. «Круглые столы»:

Национальные движения: стимулы, социальные силы и перспективы. Руководитель Л.М. Дробышева.

Ценности социальных групп и перестройка. Руководитель Н.И. Лапин.

Социология образования. Этим «круглым столом» руководил главный социолог Госкомобразования А.А. Овсянников вместе со своими коллегами.

Коммерческая деятельность и социология: соруководитель И.А. Поляков.

Все эти дискуссии состоялись. Было объявлено и еще несколько тем в составе «круглых столов», но они, к сожалению, не собрали аудитории.

Как видите, все темы актуальны. Мне представляется, что в рамках каждой из них были наработаны новые подходы, осмыслены новые материалы, связанные с результатами проведенных исследований. Зачастую это весьма нетрадиционные идеи и разработки. Кроме того, все дискуссии так или иначе шли вокруг тех социальных проблем, которые выдвинуты перестройкой.

Так, в рамках ГУ симпозиума обосновывалась идея, что непереносимым условием экономической и политической стабильности является социальное «переструктурирование», осмысление каждой социальной группой, каждой общностью собственных социальных интересов. Одним из главных источников смуты и дестабилизации, согласно этой точке зрения, является потеря социальной самоидентификации. Обретение ее — длительный социально-психологический процесс, совершающийся в обществе по мере слома тоталитарных структур.

В рамках V симпозиума были проанализированы современные общественно-политические движения, требования, ими выдвигаемые, конфликтные ситуации и способы их преодоления. Особое внимание уделено проблеме централизма как политического направления. Кстати, это происходило почти за два месяца до известного выступления М.С. Горбачева в Минске, где он эту идею обосновал политически. На III симпозиуме рассматривался вопрос о соотношении власти и культуры, были представлены результаты эмпирических исследований в области социологии театра, кино, изобразительного искусства.

Я, разумеется, наибольшее внимание уделял организации симпозиума I. От большинства участников были заблаговременно получены тезисы, так что мы имели возможность ознакомиться с материалами и провести дискуссию на весьма высоком уровне. Моим сопредседателем во время проведения дискуссии был В.Н. Иванов.

В.Ш.: В чем Вы видите основной результат Вашего симпозиума? Суда по названию, он носил весьма теоретический характер...

А.З.: Одним словом этот результат определить сложно. Попытаюсь сформулировать итоги в нескольких наиболее существенных тезисах.

Прежде всего было выявлено многообразие теоретических подходов к анализу тех изменений, которые происходят в нашем обществе. Но эти подходы сами по себе

не взаимоисключающие, а взаимодополняющие. Они раскрывают как бы разные грани перестройки, разные ее уровни. Отсюда вывод: изменения в нашем обществе не могут быть поняты в рамках одномерных концепций, даже если эти концепции весьма популярны и поддерживаются современной публицистикой.

По сути дела нам удалось обозначить четыре главных уровня социальных преобразований, перекрещивающихся между собой, с одной стороны, и осуществляющихся в разных темпах, следовательно, несовпадающих, с другой. Отсюда и многосложность нашего общества, и несводимость его к уже известным схемам и аналогиям. Тем более невозможно понять наше общество, руководствуясь теориями социальных изменений и революционных преобразований, сложившихся в XIX в. В.Ш.: Каковы же эти уровни?

АЛ.: Наиболее общий процесс обозначается как цивилизационный сдвиг. Этот термин выдвинут мною, но он получил поддержку и развитие в докладе Б.А. Грушина, который оказался в центре дискуссии на нашем симпозиуме. Второй уровень — социальные изменения. Именно по поводу них идет дискуссия о типе общества, об особенностях его социалистичности или несоциалистичности, о возможности использования формационных подходов и категорий в анализе нашей действительности. Здесь наиболее оригинальной выглядит позиция ленинградского социолога О.Т. Вите. Он пришел к парадоксальной идее: в 1917 г. социализм одержал первую победу в мировом масштабе. Капитализм в развитых странах стал умнее, он отказался от жестких методов эксплуатации; в практике экономических и политических отношений на Западе утвердилось социальное партнерство. А у нас — по мнению О. Вите — идея социализма была сопряжена не с капиталистическими, а с феодальными формами эксплуатации. Эта позиция по своей парадоксальности напоминает мне точку зрения известного американского политического социолога Э. Валлерстайна, который пришел к выводу, что перестройка означает окончание эпохи доминирования американского капитализма в мире. Согласитесь, что это нечто отличное от гораздо более традиционных концепций перестройки, которые предлагают З. Бжезинский в США и А. Ципко у нас.

Третий уровень — чтобы не вдаваться в идеологические дискуссии — институциональный. Речь идет о преобразовании социальных институтов — собственности, политических учреждений, государства и его структур, системы образования и организации производства, распределительных отношений. Это, кстати, наименее проработанный круг вопросов. Наша социология должна в большей мере освоить институциональный анализ и искусство анализа конфликтов, разворачивающихся в каждом из институтов. Здесь мы пришли к необходимости проработки понятия тупиковой ситуации: такого столкновения интересов, при которых ни одна из сторон не хочет уступать и имеет все новые и новые аргументы в защиту своей и только своей позиции, теряя связь с пониманием источника конфликта, создавая образ врага, апеллируя к общественному мнению за поддержкой таким образом, при котором взгляды и позиции противоположной стороны искажаются, преподносятся неадекватно.

Здесь наиболее интересным был доклад В.С. Дудченко — одного из признанных лидеров инновационной социологии, организатора инновационных игр. Весьма интересны в этом плане были и выступления С. Оспанова из Казахстана и В. Чичилимова — из Молдовы.

Наконец, четвертый уровень — личностный, социально-психологический. Перестройка требует трансформации авторитарного сознания, глубоко засевшего в психологии каждого человека, в сознание инициативное. В ряде выступлений был предоставлен анализ основных социально-психологических типов, действующих сейчас на политической арене, в сфере экономики, культуры и т.д.

Так, Б.З. Докторов и И.М. Попова представили результаты весьма оригинальных исследований, раскрывающих динамику и соотношение экономического и исторического сознания, представлений о равенстве и справедливости.

Вся эта многомерность процесса в целом объясняет, если хотите, гносеологические источники односторонних концепций, одна из которых, на мой взгляд, воплощена в концепции тоталитаризма.

В.Ш.: Андрей Григорьевич, сейчас в нашей литературе и публицистике все реже употребляется слово «перестройка». А вы, похоже, не отказываетесь от этого термина?

А.З.: Не вижу теоретических оснований для отказа от термина, обозначающего целую совокупность процессов, начавшихся с 1985 г. Б.А. Грушин справедливо заметил, что перестройка началась не в 1985-м, а гораздо позже, т.е. с XIX партийной конференции. Отказ от термина в публицистике — реакция на кризис, на то, что перестройка идет неравномерно, переживает те самые тупиковые ситуации, о которых я говорил выше. Неравномерность экономических, политических и культурных фаз перестройки — одна из причин кризиса. Как мне представляется, культурные факторы еще не задействованы в полной мере. Задача социологии в том, чтобы обратить внимание общества на роль и значение культурного компонента и в политике, и в экономике. Это связано как с повышением культуры мышления, так и с умением встать на точку зрения оппонента, понять ее полнее, а значит и более основательно осознать свои собственные интересы.

Слабо учитываются в социологическом анализе и статусно-ролевые компоненты социальной структуры. А кроме того, в связи с дискуссией о тоталитаризме необходим углубленный историко-социологический анализ нашего общества. Я считаю, что сводить содержание происходящих в нашем обществе процессов к борьбе бюрократического, а в некоторых вариантах, парткратического и демократического начал, значит выделять только одну ось развития, обнаружившуюся на первом этапе перестройки. Это ведет к серьезному упрощению картины, а порою и к искажению ее.

Есть внутренние противоречия процесса демократизации, связанные с ее полифункциональностью, с различными уровнями стартового развития, с необходимостью овладения формальными его процедурами. Наше общество нельзя понять даже в первом приближении, если игнорировать социальные последствия индустриализации 30-х годов, осуществленной весьма радикальными средствами в сравнительно короткий промежуток времени, а следовательно, односторонне. В этом плане мое внимание привлекла публикация итогов переписи 1937 г. (Социологические исследования. №№ 6—8). Оказывается, что на момент переписи — т.е. через 20 лет после революции 1917 г. половина взрослого населения страны — 43,6% оставалась неграмотной. (Социологические исследования N 7. С. 69). Это важнейшая характеристика культурного фона, на почве которого шаг за шагом упрочился политический режим личной диктатуры Сталина.

Вряд ли можно игнорировать и социальные последствия Великой Отечественной войны, влияние особой военной психологии и процесса быстрой демобилизации армии в послевоенные годы. К сожалению, многие наши рассуждения, связанные с попыткой дать односложную характеристику нашего общества, лишены историзма. Они остаются в пределах упрощенной схемы: «социализм» или «не-социализм».

В.Ш.: В связи с проблематикой, подвитой на Вашем симпозиуме, мне хотелось бы поставить вопрос: а в чем же состоит специфика социологического знания и социологического мышления в современных условиях?

А.З.: Моя точка зрения по этому вопросу не претерпела особых изменений с тех пор, когда я участвовал в дискуссии о предмете социологии. Главное для социолога — взгляд на общественную жизнь, на социальные преобразования с позиций многообразия интересов. Однако сейчас обнаружилось слишком буквальное толкование этого тезиса, связанное с узко-экономической трактовкой самих интересов. Интерес, конечно же одна из важнейших категорий, объясняющих социальную динамику. Но не единственная. Не менее важны понятия потребности и ценности. Через взаимодействие потребностей, интересов и ценностей раскрывается и сложная мотивация индивидуального поведения, и динамика социальных процессов. На этапе радикальных преобразований ценности приобретают доминирующую роль. Поэтому важно понять, как интересы трансформируются в ценности, как они осознаются, как осуществляется сложный процесс изменения ценностей структуры массового сознания.

На эти вопросы призвана отвечать именно социология, а не иная область общественного знания.

Что касается специфики работы социолога в современных условиях, то здесь важно понять, что в процесс осмысления интересов включилась публицистика. Это по сути дела особый социологический феномен: посредник между теоретическим знанием разного уровня и массовым сознанием. Боюсь, что неразвитость публицистики в прежние времена во многом упрощала задачи и функции социолога. Результаты исследований подчас давали ту же пищу для размышлений, какую ныне в изобилии предоставляет публицистика.

Теперь сенсационными фактами или обращением к ранее закрытым темам никого не удивишь. Информированность общества стала гораздо выше.

В.Ш.: Люди располагают бездной материала и осведомлены не хуже иного исследователя. Один только I Съезд народных депутатов СССР чего стоит! На нем была представлена обстоятельная картина нашего общества. Его результаты надо изучать и изучать.

Что же делать в подобной ситуации социологу? Какова его роль в нашем быстро меняющемся мире, когда информация создается и распространяется чрезвычайно оперативно? Быстрее реагировать на изменения в массовом сознании, «учитывать конъюнктуру»? А.З.: Отвечая на этот вопрос, мне хотелось бы привлечь внимание к важной мысли, которую высказал Петр Штомпка в своем докладе на последнем Всемирном социологическом конгрессе: «Во времена решительных и быстрых изменений существует большая потребность в общей теории, возникающая на уровне здравого смысла, и эта потребность, по крайней мере частично, объясняет нынешний расцвет теоретической мысли...

Вопросы, никогда прежде не встававшие, становятся проблемными. В такие периоды людей не удовлетворяет понимание вещей, происходящих в обществе, они должны понять изменения самого общества. И найти свое место и свою роль в этом процессе. Поэтому они задают вопросы о вероятных, предпочтительных, возможных и очевидных сценариях и альтернативах будущего развития... Вот почему времена перемен — это времена теорий как таковых.» (Штомпка П. Много социологий для одного мира // Социологические исследования. 1991. №2. С. 16—17).

Одна из главных задач отечественной социологии в настоящее время — развитие социологической теории, социологического мышления и социологического воображения. Эта задача, на мой взгляд, органически соединена с анализом тех стереотипов социально-политического мышления, которые действуют ныне в массовом сознании. Заметьте, что наша публицистика опирается на ряд стандартных оборотов или ходов мышления, которые превращаются в общепринятые клише, своего рода конечные обоснования всех иных рассуждений. Теоретическая работа, социологический анализ массового политического сознания состоит в том, чтобы разобраться во внутренней логике наиболее распространенных вариантов социального мышления и попытаться определить их действенный потенциал. Идеологический процесс и динамика массового сознания для социолога выступают в нынешней ситуации в качестве объективной данности и, следовательно, предмета исследования.

При этом методологические возможности исследователя определяются во многом уровнем его социологической культуры — умением опираться на все богатство социологических концепций, разработанных в XIX веке.

В.Ш.: Вы хотите сказать, что марксистской методологии недостаточно для решения тех задач, которые связаны с анализом современного общества? Правильно ли я Вас понял?

А.З.: Марксизм, как и иные направления общесоциологической теории, связанные с именами М. Вебера и Э. Дюркгейма, сформировались в XIX в. Но они продолжали развиваться и в XX столетии. Ныне марксизм представляет собой довольно широкий спектр направлений теоретической мысли, и эти направления получили признание в серьезных работах академических социологов Запада.

На наше мышление наибольшее воздействие оказала фальсифицированная версия марксизма, сложившаяся в нашей стране на переломе 20—30-х годов. Это особая

тема для разговора. Сейчас мне хотелось бы отметить тот огромный ущерб, который понесло наше социальное мышление в связи с политикой изоляции от западной общественной науки. Мы не смогли осмыслить своевременно три великих открытия обществознания, совершенные в XX в. К числу этих открытий я отношу развернутую теорию личности, связанную с неотрейдистским направлением. Речь идет о теории мотивации, о структуре личности, о соотношении сознательного и подсознательного. Это направление, на мой взгляд, имеет огромное значение для понимания реальных проблем современной политики, точнее говоря — для понимания своеобразия политического процесса.

Второе крупное открытие связано с выявлением факта многообразия форм цивилизации и культуры. Это открытие культурно-этнического многообразия мира, осуществленное этнографией и антропологией XX века. Без освоения эмпирических и теоретических результатов этого направления трудно говорить о каком-либо продвижении в изучении национальных отношений. Парадокс XX столетия обнаружился в том, что процесс модернизации наткнулся на сопротивление культурно-этнического фактора.

Наконец, третье открытие было совершено в самой социологии. Речь идет о Хауторнском эксперименте, результаты которого перевернули представления об организации промышленного труда и эффективности производства, сложившиеся к началу XX века. Теория человеческих отношений оказалась важным стабилизирующим фактором развития современного производства.

В.Ш.: Как же это все связать с дискуссией о предмете социологии? Поставлю вопрос более конкретно: какова система обратной связи в самой социологии? Можно ли определять, оценить те или иные исследовательские программы под этим углом зрения?

АЛ.: Рассматривая историю самой дискуссии о предмете социологии, в которой я участвую уже более двух десятков лет, не могу не отметить некоторых ее особенностей. Во-первых, многие проблемы вновь и вновь воспроизводятся. Дискуссия ходит "по кругу". Во-вторых, трактовка предмета социологии очень тесно увязывается с изменениями политической обстановки в стране; всякий поворот в сторону демократизации расширяет возможности социологической деятельности и позволяет более обстоятельно проанализировать специфику социологического мышления. Наконец, как только изменяется руководство ИС АН СССР, так возникает новый этап дискуссии. Вопрос о предмете социологии — своего рода «директорский вопрос».

В прежних трактовках предмета социологии преобладали следующие моменты: подчеркивался объективный характер социологической реальности, которую призвано изучать истинно научное знание, разумеется, с помощью истинно научных методов. В этой связи обстоятельно эксплуатировалась идея объективной закономерности, объективного характера социальной структуры общества, и проводилась мысль о разделении отражаемого и отражающего, объективного и субъективного, факторов первичного и вторичного порядка, к которым относились идеология и вся надстройка.

Теперь преобладает позиция активистской социологии, несколько иначе трактующая предмет науки. На первое место выдвигается активное начало в преобразованиях социальных отношений: субъект действия, «актор» — за неимением подходящего русского аналога — действующее лицо, рассматриваемое не в персонифицированном виде, а в более широких вариантах. Здесь уже не обойтись без изучения интересов, и мы видим, что в определяющих статьях именно такая трактовка социологии получает признание. В.А. Ядов, например, в полемике с В.Н. Ивановым выделяет понятие социальной общности как основной основополагающей категории социологического анализа (В.Н. Иванов настаивал на определении социологии как науки о социальных отношениях).

Я обратил бы внимание вместе с тем на глубокую статью М.С. Комарова «Размышления о предмете и перспективах социологии». Главная мысль ее — надо преодолеть доморощенные подходы к определению предмета социологии и рассматривать этот вопрос на фоне того, что на самом деле проработано и сделано в мировой социологической мысли. С этих позиций автор подвергает острой критике так называемую трехуровневую модель предмета социологии, которая и сейчас еще оказывает суще-

ственное воздействие на преподавание дисциплины (см., например, учебник «Марксистско-ленинская социология» / Под ред. Н.И. Дряхлова, Б.В. Князева и др. М.: Изд-во МГУ, 1989). М.С. Комаров вносит существенное уточнение в трактовку самого понятия «социальные отношения», а что касается выдвигания понятия социальной общности на первый план, то здесь он замечает следующее: «Социология должна не только сконцентрировать свои усилия на анализе субъектов исторического действия и активных сил перестройки... но и стать орудием просвещения и образования широких слоев населения, инструментом самопознания общества и человека, что крайне важно в современных условиях» (Социологические исследования. 1990. № 11. С. 36).

Впрочем, мне не хотелось бы слишком далеко уходить от второй части Вашего вопроса: о предметной ориентированности исследовательских программ. Это огромное достижение в работе ИС АН СССР — переход на организацию работы по принципу программ. Но знакомство с первыми результатами работы в этом направлении позволяет высказать опасение в чрезмерной атомизации самих программ. Между ними не просматривается теоретико-методологической связи. Поэтому надо иметь в виду некоторые общие наиболее перспективные направления, которые получат в ближайшее время значительное продвижение. Речь идет о социологии политики, социологии экономической жизни и социологии культуры.

Эти три наиболее емких направления социологической науки, взаимодействие между которыми обуславливает ее целостность. По-видимому, в каждом из проектов необходимо предусматривать уровень разработки изучаемой проблемы в рамках каждого из этих направлений. В этом случае и будет обеспечиваться система обратной связи. Проект станет определенным вкладом в разработку теоретических вопросов, а не только способом сбора материала по частному вопросу.

Важна, конечно, и форма представления результатов проекта, как и способы его обсуждения и публикации.

Сегодня мне хотелось бы обратить внимание на две фундаментальные книги, расширяющие наш социологический кругозор прежде всего в теоретическом плане. Это монографии Т.И. Заславской и Р.В. Рыпкиной «Социология экономической жизни». (Новосибирск: Наука, 1991) и П.П. Гайденоко и Ю.Н. Давыдова «История и рациональность» (Социология Макса Вебера и веберовский ренессанс. М: Политиздат, 1991). Если добавить к этому Избранные произведения М. Вебера, изданные "Прогрессом" учебник по социологии Н. Смелзера, публикация которого продолжается на страницах этого журнала, готовящееся в Томске издание учебника А. Гидденса, материалы симпозиума (о нем я говорил в начале интервью), то получается весьма солидный круг, чтения, обязательный для того, кто считает себя социологом, кто хочет совершенствоваться в этой профессии.

В.Ш.: Известно, что для своего доклада на Мадридском социологическом конгрессе Вы избрали тему «Принцип рациональности в современной социологической теории» (Социологические исследования. 1990. №2. С. 3—14). Чем объяснить обращение именно к этой теме? Каковы новые позиции, которые Вам удалось сформулировать в этом докладе?

А.З.: Выбор темы в какой-то мере обусловлен состоянием социологической науки в современном мире. Множество социологий для единого мира, о котором говорил П. Штомпка, способно привести к тому, что между этими социологиями будет утрачена способность к взаимопониманию, к коммуникации. При всем многообразии подходов к изучению социальных проблем важно сохранять достоинство научного анализа, не впадая в ловушки абсолютного релятивизма, догматического отношения к наследству, преодоления граней между изображением впечатления и исследованием процесса. Рациональность — это принцип построения всякого научного знания. Если та или иная область обществоведения отказывается от этого принципа, она перестает быть наукой. >

В докладе мне удалось проследить изменения в трактовке самого принципа рациональности в истории социологической мысли.

Вместе с тем рациональность, безусловно, одна из основополагающих ценностей

современного мира, хотя бы потому, что иррациональное поведение занимает в нем все больше и больше места. Отчуждение от ценностей жизни и культуры, конфликты, основанные на спорах о традиционных ценностях, немотивированные преступления, в которых проявляется жажда насилия и агрессивность, националистические и шовинистические настроения, абсурдное переименование исторического процесса, призывы любой ценой вернуться в прошлое (в какое именно? Для чего?) и начать все сначала, неумение сопоставить использованные средства и результаты предпринимаемых действий — все это вместе взятое порождает ощущение театра абсурда и абсолютной безнадежности. Но это ощущение может победить лишь в том случае, если мы отказываемся от принципа рациональности, от убеждения в том, что аналитические способности имеют свое значение и могут способствовать преодолению кризисной ситуации, в которой находится наше общество в данный момент.

Один из источников напряженности в обществе — столкновение разных типов рациональности. В моем докладе это рассматривается на примере чехословацкого кризиса 1968 г. Тогда впервые на политическом поприще столкнулись не просто разные или противоположные интересы, а два различных способа осмысления событий в рамках, казалось бы, единой доктрины. Столкнулись два типа рациональности, две системы менталитета.

Сейчас мы также наблюдаем аналогичные процессы, но процесс идет глубже: столкновение разных типов рациональности перерастает в ценностный конфликт, конфликт мировоззрений, конфликт разного или противоположного понимания жизни, того, что в ней хорошо, и что плохо, что справедливо, и что несправедливо.

При этом, как мне представляется, если два года тому назад наблюдался плюрализм ценностных позиций и ориентаций, то теперь все больше идет процесс поляризации, который и порождает иллюзию возрождения классового боя, повторения событий 1917 г.

В социологическом плане важно понять, что в нынешней политической ситуации ругу противостоят две формы демократического развития, в рамках каждой из них при этом четко очерчивается экстремистский элемент, признающий правоту только своей позиции и воспринимающий иную линию развития в качестве враждебной.

Первый вариант в какой-то мере описывается с помощью целе-рациональной модели. Во главу угла ставится приоритет правовых норм, законности, формирования правового государства. Кстати, здесь явный разрыв с классическим пониманием проблемы государственности в марксистской традиции: вместо отмирания государства предполагается, если угодно, усиление государственного начала, основанного на современной трактовке права и задаче согласования различных интересов с помощью государственно-правовых институтов. В рамках этой концепции в определенной мере пересматривается и традиционное соотношение экономики и политики, политической и экономической демократии. Предполагалось, что демократизация политической жизни пробудит экономическую заинтересованность, создаст предпосылки стимулирования деловой активности.. Вторая модель в большей мере описывается с помощью концепций Тарда, нежели М. Вебера. В этом варианте демократия рассматривается в качестве непосредственной энергии людей, претворяющейся в массовые политические акции, направленные против государственно-правового регулирования экономических и политических процессов. В противоположность первой стратегии, которая клеймится в качестве имперской политики или попыток восстановить тоталитарный строй, демократическая линия второго типа соединяется с политической практикой выдвижения харизматического лидерства, опирающегося на поддержку большинства, неудовлетворенного ходом перестройки, стремящегося добиться повышения благосостояния с помощью ускорения политического процесса. Можно отметить, что период с января по март 1991 г., включающий работу IV Съезда народных депутатов СССР, январские события в Прибалтике, серию митингов в Москве и других городах, созданных по инициативе движения «Демократическая Россия», прямые выступления против Президента СССР в парламенте и вне его, внеочередной съезд народных депутатов Российской Федерации, характеризуется тем,

что противостояние двух обозначенных форм демократического процесса дошло до крайности. «Противостоящие стороны» перестали воспринимать друг друга, что означает Тупиковую ситуацию, усугубляющую экономический кризис.

Судьба перестройки и будущее страны во многом зависят от того, превратится ли консенсус, найденный в совместном заявлении Президента СССР и руководителей девяти республик (апрель 1991 г.) в устойчивую тенденцию политического развития, или же он будет разрушен с помощью иррациональных действий. И роль социологии в процессе преодоления кризисной ситуации будет весьма конструктивна, если она выявит точки совпадения и возможного согласования интересов. Для этого социолог-профессионал должен проанализировать смысл стереотипных ходов в аргументации каждой из сторон. Недостаточно констатировать факт, что противостоящие стороны ведут борьбу за власть — за то, чтобы ее захватить или удержать. Важно выяснить, что стоит за такими суждениями, как «за 70 лет Советской власти социализм показал свою полную несостоятельность», с одной стороны, и «пора выйти из окопов и дать отпор», с другой.

Все это своего рода практические, прикладные аспекты теории рациональности, которые, к сожалению, выпадают зачастую из поля зрения наших теоретиков.

В западной литературе наибольший вклад в разработку проблемы рациональности внесли такие авторы, как Юрген Хабермас и Антони Гидденс. Первый соединил проблему рациональности с практикой коммуникативного действия, показал роль принципа рациональности в выработке консенсуса на материале современной культуры. Второй подчеркнул значение информационных структур в современном обществе, выявил двойственную роль информации и как средства освобождения человека, и как средства социального контроля в обществе всеобщего, всеохватывающего надзора (surveillance). Благодаря этому по новому ставится и извечный вопрос личной свободы и личной ответственности в современном обществе.

В.Ш.: Какова Ваша президентская программа? Можно ли на основании съезда что-либо сказать о перспективах социологии в нашей стране?

АЛ.: Мою программу можно выразить очень сжато: повышение профессиональной культуры советской социологии. А для этого необходимо очень многое, и прежде всего функционирование профессионального сообщества, частью которого является и ваш журнал.

На съезде мне предоставили возможность изложить свою позицию отчасти потому, что моя кандидатура была предложена «из зала». Я обратил внимание на две опасности, которые сейчас угрожают нашему профессиональному сообществу. Во-первых, это политизация. Представьте себе, что все мы расколемся на разные группы, обслуживающие противоположные политические направления. Политический контроль и самоконтроль за социологической деятельностью станет более жестким, чем в тоталитарные времена, т.к. возобладают не исследовательские, а партийные интересы, образ политического противника и «врага» вытеснит образ исследователя. Поэтому исследование политического процесса и идеологических форм массового сознания должно быть, если хотите, объективистским. Социологу следует представлять данные для профессионального сообщества, а дело политиков разных направлений самим оценивать эти данные и использовать или не использовать их.

Возможно, что это «идеальная», т.е. «недостижимая модель» взаимоотношений социологии и политики, но только она содействует повышению профессиональной культуры.

Каждый социолог, следовательно, должен сознательно различать в самом себе профессиональные и гражданские качества. Это проблема личностная, которая в социально-этическом плане преобразуется в проблему «науки, свободной от ценностей». Но даже М. Вебер, который, как известно, сформулировал эту проблему, отдавал себе отчет в том, что социально-политические знания неизбежно вплетаются в политический процесс. Еще раз подчеркну, что важно осмысленно относиться к этому вполне реальному противоречию, заложенному в природе современного социального знания. «Практически невозможно, — подчеркивает В. А. Ядов, — находясь в самой

гуще общественно-политических событий, сохранять „полную научную объективность“ в том смысле, чтобы избегать социально-политических оценок и пристрастий. Поэтому мы должны четко обозначить свою идейную позицию — позицию активной поддержки процессов ломки тоталитарных структур государственного социализма в сторону общества развитых гражданских отношений, гуманного, демократического социализма, экономический базис которого — регулируемая рыночная экономика, а политическая структура — укрепление демократических начал и правового государства» (Углубление социальной дезинтеграции в 1990 г. как фактор противоречивого развития новых структур и отношений в обществе. Информационные материалы Института социологии АН СССР. Вып. 6. М., 1991. С. 5). Конечно, можно утверждать, что избрание именно этой политической ориентации содействует стремлению к объективности. Важно лишь не забывать, что для исследователя и ученого высшей ценностью остается стремление к истине, ибо это — условие сохранения самой науки.

Вторая опасность — коммерциализация исследований. Боюсь, что «заказчик» далеко не всегда информирован о гарантиях высокого качества продукции. В этом случае он будет платить скорее за подтверждение собственной точки зрения, т.е. за возможности социологической пропаганды. Это также приведет к снижению профессионализма, что подчас уже и происходит, например, при изучении общественного мнения. Даже в таком центре, как ВЦИОМ в самой формулировке вопросов, в их композиции, в подборе альтернативных ответов при закрытии вопроса можно найти немало случаев определенного давления на сознание респондента. А ведь очень важно не только сохранить, но и упрочить авторитет тех направлений и школ, которые уже сложились. Разумеется, что для повышения профессиональной культуры очень важны постановка социологического образования и более высокий уровень требований, предъявляемый к диссертационным исследованиям, чем это имело место до сих пор.

В целом мне представляется, что перспективы социологии весьма благоприятны. Вновь избранное правление наметило ряд коллективных акций. На первом заседании правления, прошедшем после съезда, было всестороннее обсуждение доклада Ж.Т. Тощенко об итогах изучения динамики политического сознания. В июне намечается обсудить результаты изучения общественного мнения, отработать критерии оценки данных массовых опросов. В ноябре на повестке дня вопросы постановки социологического образования.

Читателям, по-видимому, уже известно, что форма правления ССА несколько изменилась в сторону большей демократизации. Избран коллективный президент в трех лицах: В.А. Ядов, Ж.Т. Тощенко и А.Г. Здравомыслов. Поскольку мы избраны на трехлетний срок, но на долю каждого приходится один год выполнения функций Президента ССА в обозначенной выше последовательности. Остальные двое на соответствующий год называются Президентами-сопредседателями. Т.И. Заславская избрана почетным Президентом. Действующий вице-президент — З.Т. Голенкова, в ее руках сосредоточивается организационная работа и контроль за работой аппарата и за исполнением принятых решений. Президентский Совет собирается ежемесячно. На Правлении приведен в действие новый механизм — Федеративный Совет ССА, состоящий из руководителей всех республиканских подразделений Ассоциации. Избраны три вице-президента ССА по направлениям работы: А. В. Филиппов (проблемы социологического образования), А.К. Зайцев (проблемы развития прикладных служб), С.Н. Плотников (связь с учреждениями культуры и СМК), избраны два члена Президентского Совета — А.А. Овсянников и А.А. Нецадин.

В функциональном плане за мной закреплена на все три года координация работы исследовательских комитетов и секций ССА. Сейчас их насчитывается более 30. Среди них есть отмирающие структуры, но большая часть действует активно, в особенности ИК по социологии труда (сопредседатель Б.Г. Тукумцев, Н. Андреевкова, В. Герчиков, Ю. Барклянский), социологии культуры — С.Н. Плотников, методики и техники социологических исследований — О.М. Маслова, социологии науки — С.А. Кугель.

В процессе создания ряд новых секций — по экономической социологии, по социологии политики.

"Кроме того за мной сохраняется руководство комитетом ССА по советско-американским связям. Действует программа обмена — профессорского и молодых научных сотрудников. В этом году по профессорскому обмену в США направлены Б.М. Фирсов и А. К. Зайцев — известные ученые, свободно владеющие английским.

Второе направление советско-американского сотрудничества — организация совместных школ и симпозиумов. В 1989 г. на базе ВЦИОМа был организован симпозиум по проблемам изучения общественного мнения, а в апреле этого года в Академии общественных наук при ЦК КПСС была организована политологическая школа совместными усилиями советских организаций и Йельским Университетом (США). В работе семинара приняли участие шесть профессоров этого элитного Университета, среди которых Роберт Даль, Дэвид Аптер, Джозеф Лапаламбара.

Мы придаем большое значение и третьему направлению советско-американского сотрудничества — осуществлению совместных исследовательских проектов. Назову здесь только два из них. В ИС АН СССР развернут проект по изучению социальной стратификации советского общества. От американской стороны соруководителем проекта выступает известный социолог профессор Университета им. Джорджа Вашингтона Майкл Сваффорд, от советской — Геннадий Денисовский и Полина Козырева. В ходе работы собрано по совместно разработанной программе более 2 тыс. интервью по выборке, представляющей европейскую часть СССР. Была проведена обстоятельная учеба интервьюеров (техника сбора информации — формализованное интервью). Сейчас сбор материала практически завершен, участники проекта приступили к анализу данных, а с августа 1992 г. материалы этого исследования будут открыты для всех социологов, которые получают возможность вторичного анализа данных. Следующее исследование осуществляет команда в составе проф. Мелвина Кона (США), Валерия Хмелько и Владимира Паниотто (Социологическая ассоциация Украины). Здесь также в центре внимания вопросы социальной структуры, но прежде всего в аспекте выявления ее связи с динамикой личностных качеств. М. Кон провел уже серию таких исследований международного плана, и наши социологи получают возможность благодаря этому работать в международной команде.

В.Ш.: Какие еще вопросы в деятельности ССА Вас беспокоят?

А.З.: Очень неустойчиво финансовое положение нашей Ассоциации. Каждое крупное мероприятие оставляет бюджет близким к нулевой отметке. Даже командировочные расходы — в какой-то мере проблема. А ведь финансовое положение — это своего рода объективный показатель нужности, общественной полезности нашего дела в новых условиях. В марте я был в Набережных Челнах. В состав Ассоциации в результате поездки принято несколько новых коллективных членов, в их числе и акционерное общество КАМАЗ, которое приняло на себя определенные обязательства по спонсорству ССА. Была встреча с социологами КАМАЗа, с Генеральным директором Н.И. Бехом. Приняты обеими сторонами определенные обязательства, заключен договор, на выполнение которого мы рассчитываем. Рассчитываем мы также и на взаимные обязательства, принятые по договору с Межрегиональной Кооперативной Федерацией и с клубом им. Н.И. Бухарина (Президент МКФ — Валерий Писигин).

В.Ш.: Каковы Ваши пожелания журналу «Социологические исследования» и его читателям?

А.З.: Из того, что я сказал, видно, что журнал публикует немало интересных материалов. Но, к сожалению, неровно. По степени насыщенности содержательными статьями номер от номера сильно отличается. Следовательно, надо работать над обогащением портфеля, над обеспечением резервов качественных материалов. А поскольку журнал пока единственный профессиональный орган, то все его пространство должно быть отдано социологии. В этом году и в 1990-м тоже было много отступлений. Довольно много статей по историко-партийной проблематике, хотя для этих целей существует специальный журнал. Случайно или нет, но среди всех деятелей партии был особенно выделен Троцкий.

Думаю, что и «Имена» Флоренского вряд ли были интересны социологически ориен-

тированному читателю. Другое дело — публикация трудов Питирима Сорокина или работ о нем. Это восполнение пробелов именно в социологическом образовании.

Мне представляется, что необходим специальный раздел, посвященный социологической критике. Важен критический анализ публикаций, программ, методик, проектов исследования. Больше дискуссионности по собственно социологическим вопросам. Нужно доводить до сведения читателей отчеты по итогам исследования и по результатам работы социологических институтов, тем более что число институтов увеличилось. Журнал мог бы освещать и работу семинара, действующего при секции общественных наук под руководством вице-президента АН СССР В.Н. Кудрявцева.

Что касается читателей, то важно, чтобы они умножались, чтобы они имели большую возможность высказать свои замечания по публикациям на страницах журнала. А профессионально ориентированному читателю хотел бы пожелать, чтобы каждый номер активно использовался в работе.

В.Ш.: Андрей Григорьевич, большое спасибо за беседу. Надеюсь, что читатели откликнутся на этот материал. Вы сумели высказать свою точку зрения по очень важным вопросам, отметить конкретные работы и их авторов. Думается, что этот материал заинтересует наших постоянных читателей.